

Герой Отечественной войны 1812 года

генерал от инфантерии граф Александр Иванович Остерман-Толстой

Александр Иванович Толстой родился в 1770 году в семье Ивана Матвеевича Толстого. По линии матери его прадедом был граф Андрей Иванович Остерман.

А. И. Толстому не было и четырех лет, когда его записали на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. В таком возрасте он, конечно, не мог находиться при армии, но по правилам того времени его повышали в чинах только за выслугу лет. В 1780 году он — сержант, через 4 года — прапорщик.

Действительную армейскую службу А. И. Толстой начал в 1788 году в русско-турецкую войну 1787—1791 годов. Первый год он провел в военных походах в Молдавии и Бессарабии, а в 1789—1791 годах непосредственно участвовал в боевых действиях: в сражении при реке Салче, в атаке Измаила, во взятии Бендер — в 1789 году; в штурме Килийских ворот и во взятии Измаила — в 1790 году; в разгроме турецкой армии у Мачина — в июне 1791 года [1]. Эта война стала хорошей школой для молодого офицера. С. И. Ушаков, составитель биографий русских военачальников, так писал об участии А. И. Толстого в войне с Турцией: "Во всех сих делах отличился он своим мужеством и благородным жаром к военному искусству..." [2].

В феврале 1798 года Александр Иванович, приняв к тому времени графский титул и фамилию Остерманов, произведен в генерал-майоры и назначен шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка, но неожиданно для всех через 2 месяца отстраняется от военной службы и в чине действительного статского советника "определяется к статским делам". "Очевидно, причина царской немилости, — пишет И. Я. Крайванова, — была в том, что в свое время Екатерина II, мать Павла I, заметила Остермана-Толстого. Он разделил участь многих. В эти годы подверглись опале и были заключены в крепость полковник А. П. Ермолов, атаман М. И. Платов, уволен из армии полковник Н. Н. Раевский и другие, ставшие потом, в 1812 году, боевыми товарищами Остермана-Толстого" [3]. Лишь после вступления на престол Александра I

он смог вернуться в армию.

В 1804 году по инициативе Англии была создана антифранцузская коалиция, в которую вошли Россия, Швеция, Австрия. Союзники начали войну в 1805 году. Остерман-Толстой принял участие во всех боевых операциях. Как известно, кампания 1805 года окончилась бесславно: после разгрома под Аустерлицем антифранцузская коалиция распалась. Россия, продолжавшая находиться в состоянии войны с Францией, к осени 1806 года возобновила военные действия в союзе с Англией, Пруссией и Швецией.

В декабре русские и французы встретились у реки Нарев (приток Вислы). Главнокомандующим русской армии был тогда фельдмаршал М. Ф. Каменский, а авангард возглавил генерал-лейтенант А. И. Остерман-Толстой. Эти дни стали началом его боевой славы. 11 декабря 1806 года, находясь во главе передового отряда, Александр Иванович отличился в бою у местечка Чарново, где он пятнадцать часов сдерживал многочисленные французские войска, которыми командовал сам Наполеон. В последовавшем через два дня сражении при Пултуске Остерман-Толстой возглавлял войска левого фланга и сам их водил в атаку, проявляя незаурядную стойкость и бесстрашие. Эти победы русских войск лишили Наполеона возможности обойти русские войска и заставить их капитулировать.

В сражениях при Чарново и Пултуске Остерман-Толстой проявил себя вполне сложившимся военачальником, человеком большой храбрости, выдержки и находчивости.

В начале 1807 года русское командование приняло решение дать бой французам в районе города Прейсиш-Эйлау для того, чтобы защитить важные стратегические пункты на побережье Балтийского моря — города Кенигсберг и Пилау. Кровопролитное сражение произошло 26 — 27 января. Остерман-Толстой командовал левым флангом и принял на себя основной удар противника. Несколько раз Александр Иванович лично водил солдат Павловского полка в штыковые атаки.

Весной 1807 года в районе Гутштадта развернулись военные действия против корпуса маршала Нея, который стремился отрезать русских от

Кенигсберга. Здесь 24 мая авангард Багратиона, куда входила и дивизия Остермана-Толстого, принял удар превосходящего в числе неприятеля. В этом бою отважный генерал был ранен в ногу пулей навывлет. Это, однако, не помешало ему участвовать 1 июня в последнем сражении 1807 года — под Фридландом.

К ордену Георгия IV степени, полученному Остерманом за взятие Измаила, прибавились еще три награды за кампанию 1806—1807 годов: Георгий III-й степени, Анна I-й степени и Прусский Черный Орел.

В августе 1807 года прибывшая в Петербург 2-я дивизия была расформирована, а Остерман-Толстой получил приказ приступить к командованию 1-й гренадерской дивизией. Но прошедшая война и рана настолько измотали его, что он подал рапорт с просьбой уволить его из армии. Начальство отказало: командование считало Остермана-Толстого опытным боевым военачальником, умеющим принимать самостоятельные решения и руководить соединениями в самой сложной обстановке. Но Александр Иванович настаивал и, наконец, в октябре 1810 года добился отставки с правом ношения мундира.

Как только началась Отечественная война 1812 года, Остерман-Толстой подал прошение о своем зачислении в армию. 1 июля он получил в командование 4-й пехотный корпус, входящий в состав 1-й Западной армии М. Б. Баркляя-де-Толли. Первое серьезное сражение русские войска дали 13 июля под деревней Островно, защищая подходы к Витебску. Корпус Остермана в буквальном смысле слова стоял насмерть. Несколько часов кавалерийские части неприятеля безуспешно атаковали его пехотные каре.

Когда в один из напряженных моментов боя Остерману донесли, что войска несут все возрастающие потери, и спросили, каковы будут его распоряжения, он ответил: "Стоять и умирать" [4]. Это изречение принесло ему тогда заслуженную известность как непоколебимого и стойкого воина.

Сражение при Островне и продолжавшиеся бои под Витебском задержали неприятеля на несколько дней и нанесли ему значительный урон.

В день знаменитой Бородинской битвы 26 августа корпус Остермана-

Толстого стоял на самом ответственном участке между батареей Раевского и Багратионовыми флешами, где решалась судьба сражения. Сильно контуженный в самом разгаре боя, Александр Иванович должен был покинуть поле битвы, но через несколько дней он снова вернулся в строй. Барклай-де-Толли в наградном списке так охарактеризовал действия отважного генерала: "С большою быстротою и деятельностью с вверенным ему 4-м корпусом поспешил на подкрепление 2-й армии и, найдя сию несколько уже расстроенной, остановил... стремящегося против его корпуса неприятеля и примером своим ободрял подчиненных себе войска, так что ни жестокий перекрестный огонь неприятельской артиллерии, ни нападения неприятельской конницы не могли их поколебать, и удержал место свое до окончания сражения" [5].

На военном совете в Филях, состоявшемся 1 сентября, А. И. Остерман-Толстой вместе с Барклаем-де-Толли, Раевским, Дохтуровым и Толем высказался за оставление Москвы без боя. Во время отхода русских войск корпус Остермана с успехом выполнял ответственную задачу охраны и прикрытия армии. Войска остановились у села Тарутина в 80 км от Москвы и 6 октября дали здесь бой авангарду Мюрата. Соединения Остермана-Толстого участвовали и в этом сражении. Получив донесения о поражении Мюрата у Тарутина, Наполеон принял решение покинуть Москву.

Корпус Остермана входил в авангард генерала М. А. Милорадовича и был в первых рядах, преследующих противника. Во время отступления французов части Александра Ивановича участвовали еще в двух крупных баталиях 1812 года: при штурме города Вязьмы и в битве под Красным (западнее Смоленска). По свидетельству Кутузова, отряд Остермана захватил в плен у Красного 2400 человек [6].

Конец Отечественной войны застал Остермана-Толстого в Вильно, куда главная армия во главе с Кутузовым вошла 10 декабря.

К этому времени здоровье Александра Ивановича значительно ухудшилось. Дали себя знать изнурительные походы и раны: контузия, полученная в

Бородинском сражении, и ранение под Красным. Врачи настаивали на госпитализации и рекомендовали подумать об отставке.

Толком не долечившись, Остерман, узнав о смерти Кутузова, покинул госпиталь и 9 мая 1813 года принял участие в сражении под Бауценом. Здесь, находясь в стрелковой цепи, он был снова ранен, на этот раз в плечо, но, наскоро перевязав рану, продолжал руководить войсками до тех пор, пока его, полумертвого от потери крови, не вынесли с поля боя. "...Всегда впереди стрелков наших, сохранял он ничем непоколебимую храбрость, которую одушевлял командуемые им войска, водил оные многократно на штыки и всякий раз, стесняя и поражая неприятеля, приобретал совершеннейший успех", — свидетельствовал Милорадович о подвигах Остермана под Бауценом [7].

К вечеру 9 мая, избежав окружения, русско-пруссские войска отошли к Силезии. Силы обеих сторон были истощены. Наполеон согласился на предложение Александра I и Фридриха Вильгельма заключить перемирие.

К коалиционным войскам присоединилась Австрия. Через два месяца военные действия возобновились. К этому времени союзники отошли в Богемию. Французские войска пытались их преследовать; но были остановлены у Кульма. Передовой отряд Остермана противостоял 45-тысячному корпусу генерала Вандама, вдвое превосходившему силы русских войск. Соединения союзников могли оказаться запертыми в узких горных теснинах. В этом опасном положении Александр Иванович решил действовать самостоятельно.

Сражение началось 17 августа 1813 года яростной атакой неприятеля на правый фланг русских. Остерман умело использовал силы своего гвардейского отряда, которому нужно было продержаться весь день до прихода союзных войск. Благодаря полководческому дарованию Остермана-Толстого перевес обозначился на его стороне. В разгар битвы Александр Иванович был тяжело ранен в руку. И. И. Лажечников приводит воспоминания адъютантов Остермана-Толстого: "Раненого (рука держалась еще на плечевом суставе; надо было отделить ее) отнесли с места сражения на более безопасное; приехал король прусский и, увидав его окровавленного, в бесчувственном положении, заплакал над ним. Лишь только

он пришел в себя, первую его мыслью, первым словом был государь, которого он любил до обожания.

— Est-ce vous, sire? — спросил он короля, — Empereur mon maitre? <Это вы, ваше величество? Мой господин император в безопасности? (фр.)>

Его скоро окружили врачи из разных полков. Он остановил свой взор на одном из них, еще очень молодом человеке, недавно поступившем на службу (это был Кучковский), подозвал его к себе и сказал ему твердым голосом: "Твоя физиономия мне нравится, отрезывай мне руку". Во время операции он приказал солдатам петь *русскую* песню. Этот рассказ передан мне адъютантами его (кажется, только двое и уцелели), бывшими при нем в Кульмском деле" [8].

Тем временем, командование принял генерал Ермолов и с успехом завершил битву. Среди пленных был сам Вандам и еще четыре генерала. Поражение французов под Кульмом свело на нет все успехи Наполеона 1813 года.

В 1822 году в Риме С. И. Гальберг выполнил в гипсе скульптуру, изображающую отважного генерала во время той самой операции. Известно, что с нее были сделаны мраморные копии и бронзовые отливки. Одна стояла в подмосковном имении Остермана-Толстого Ильинском (в качестве паркового украшения), другая — в его петербургском доме.

Д. И. Завалишин, будущий декабрист, был нередким гостем в доме на Английской набережной и видел в одной из комнат скульптуру Гальберга, по его утверждению, "надгробный памятник Остерману, самим им себе заготовленный... Он изображен лежащим, опираясь рукою на барабан, как и происходило это при операции; возле лежала оторванная рука, и в барабан были вделаны часы, на которых стрелки означали время получения тяжелой раны, и была надпись латинская: Vidit horam; nescit horam! (Видит час, но не знает час, т. е. того часа, в который человека постигнет известная участь)" [9].

Бронзовая фигура Остермана-Толстого, установленная в центре французского парка перед главным домом ильинской усадьбы, еще была цела в конце 1920-х годов. "Точно античное речное божество, занимающее угол во фронтоне храма, полулежит, опираясь на руку, воин, бесстрастно глядя поверх другой огромной

руки" [10].

Народ Чехии считал Остермана - Толстого своим освободителем от французских войск, так как с этого времени военные действия перенеслись на территорию Саксонии. В Государственном Историческом музее хранится кубок, поднесенный "храброму Остерману от чешских женщин в память о Кульме 17 августа 1813 года", и мундир, в котором был Остерман-Толстой в момент ранения. У поэта В. А. Жуковского есть строки: "Хвала, наш Остерман-герой, в час битвы ратник смелый" [11]. П. А. Вяземский характеризовал его как человека прямодушного, откровенного, благородного. "Рыцарское бесстрашие в сражении, отвага, когда она была нужна, и неодолимая стойкость... были отличительными принадлежностями воинских способностей его" [12]. Портрет Остермана-Толстого работы Дж. Доу находится в галерее 1812 года в Эрмитаже.

Подвиг Остермана-Толстого при Кульме был отмечен орденом св. Георгия II-й степени. Кроме этого, в 1812—1813 годах Александр Иванович получил орден св. Александра Невского (за Бородино), алмазные знаки к этому ордену (за Бауцен), орден св. Владимира I-й степени, орден Прусского Красного Орла и Большой прусский Железный крест. Последняя награда за всю свою историю вручалась только семь раз. Среди кавалеров не было даже Веллингтона, но был один русский генерал — граф А. И. Остерман-Толстой [13].

В начале 1814 года Александр Иванович вернулся в Петербург. Почти сразу же он был назначен генерал-адъютантом Александра I и в этом качестве находился до самой смерти императора. В конце 1815 года он стал шефом лейб-гвардии Павловского полка. Это назначение явилось знаком особого уважения к заслугам Остермана-Толстого перед Родиной и армией. Обычно над лейб-гвардейскими полками шефствовали только члены царской фамилии. В августе 1817 года Александр Иванович получает чин генерала от инфантерии, но его здоровье было настолько подорвано, что он в этом же году освобождается от командования корпусом и увольняется в бессрочный отпуск.

По свидетельству современников, граф А. И. Остерман-Толстой был "высокого роста, худощав; смуглое лицо его освещалось выразительными глазами

и добродушием, которое пробивалось сквозь его наружную холодность и даже суровость. Отсутствие руки придавало его внешнему виду еще большее благородство и величавость" [14]. Как командир корпуса, он особенно заботился о нижних чинах, "во время военных действий никогда не входил в свою палатку, прежде чем не убеждался, что солдаты накормлены и устроены настолько хорошо, насколько позволяли обстоятельства" [15].

Писатель И. И. Лажечников, хорошо знавший Остермана-Толстого (он был его адъютантом, затем управляющим имением в Ильинском), тоже оставил о нем свои воспоминания: "Я находился при нем адъютантом, после кампаний 1812—1816 годов, несколько лет, до самого отъезда его в чужие края. [...] Я был неразлучным его спутником во всех его поездках по его поместьям, в лагерях, при инспекции полков, расположенных в Калужской и Тульской губерниях; я знал его в семейной жизни, в кругу его друзей и родных, при дворе, вел с ним переписку, когда он был в чужих краях, и вот что могу сказать о нем беспристрастно. Как начальник войска, он был строг, но строгость его заключалась только во взгляде, в двух, трех молниеносных словах, которых больше боялись, нежели распекаянья иного начальника. Во все время командования им корпусом он никого из офицеров не сделал несчастным, хотя и были случаи *карать*. Всем, кто имел надобность в его покровительстве, не отказывал в нем; если кому помогал, то делал это широкою рукой и вообще был щедр. Все у него было грандиозно: и дом в Петербурге, и прием императрицы Елисаветы Алексеевны в подмосковной, Ильинском, и петербургские вечера его, которые удостаивали своим присутствием некоторые члены императорской фамилии. Мелочным интриганом никогда не был, кривыми путями не ходил и не любил тех, кто по ним ходит; никогда не выставлял своих заслуг и ничего не домогался для себя, лести терпеть не мог. Для стрел, откуда бы ни шли, смело выставлял грудь свою. О пище и здоровье солдат заботился, как отец. Когда стояли войска в лагере, он почти каждый день обходил их во время трапезы, всегда пробовал солдатскую пищу, и горе начальнику, у которого в полку находил ее скудною или нездоровою! [...] Против суровостей русских непогод граф, казалось, закалил себя; нередко в одном мундире, в сильные морозы, делал

смотр полкам. Это была железная натура и телом, и душою. В пище он был чрезвычайно умерен; за столом только изредка бокал шампанского.

Изысканных блюд, особенно пирожных, не терпел. Любил крутую гречневую кашу до того, что, живя в Италии, выписывал по почте крупу из России. [...] Граф Александр Иванович получил прекрасное образование, знал отлично французский и немецкий языки и... учился греческому. [...] Типическая, южная физиономия его, стойкими, античными очертаниями лица, с черными, выразительными глазами под черными бровями, была замечательна" [16].

В начале 1820-х годов Остерман-Толстой жил в Петербурге в своем доме на Английской набережной. В феврале 1822 года он поселил у себя своего дальнего родственника Федора Ивановича Тютчева, семья которого была давно дружна с Остерманами. Мать будущего поэта Екатерина Львовна воспитывалась теткой Анной Васильевной, женой графа Федора Андреевича Остермана, которого она почитала как отца. В московском доме Ф. А. Остермана в Малом Трехсвятительском переулке прошли ранние детские годы Федора Тютчева. В Петербург он приехал устраиваться на службу в Коллегию иностранных дел. Остерман-Толстой нашел ему место сверхштатного чиновника русской миссии в Мюнхене. Вскоре оба оказались в Москве, и уже оттуда в далекое путешествие Тютчев отправился, как он сам выразился в одном из своих писем, "вооружившись уцелевшею Остермановою рукою" [17]. Более трех недель они ехали вместе в карете графа.

Есть свидетельства [18], что именно Тютчев познакомил А. И. Остермана-Толстого с некой итальянкой. От нее граф имел детей, которых в законном браке у него не было. В музее-усадьбе Ф. И. Тютчева в Муранове хранится гравюра, сделанная в Пизе в 1827 году, на которой Остерман-Толстой изображен с двумя мальчиками лет четырех-пяти и младенцем в люльке. "...В Пизе или Флоренции он страстно полюбил красавицу италианку. Детей он также нежно любил... Боясь со временем, на старости лет, сделаться ревнивым, он пожертвовал ее спокойствию своею горячею к ней привязанностью и выдал ее с богатым приданым за молодого, красивого соотечественника ее. Детям он дал хорошее воспитание и обеспечил их

будущность" [19].

Уже упоминаемый Д. И. Завалишин, дальний родственник Остермана-Толстого, был дружен с племянниками графа — Александром и Валерианом Михайловичами Голицыными. Все трое были участниками декабрьского восстания 1825 года. Сам Остерман-Толстой знал или подозревал о брожении умов в Петербурге. Завалишин вспоминал, что в конце ноября или в первых числах декабря 1825 года граф вызвал его к себе, (дело происходило в Москве) и сказал, что не хочет, чтобы он сейчас ехал в столицу. "В Петербург отпущу я одного Федора (т. е. Тютчева — В. Д.), он не опасен; да и тому, впрочем, велел я скорее убираться к своему месту в Мюнхен" [20].

Но Завалишин не воспользовался советом и 25 декабря вышел вместе с остальными на Сенатскую площадь. Неизвестно, как поступил бы сам Остерман-Толстой; в то время его не было в столице — как генерал-адъютант, он сопровождал тело Александра I из Таганрога в С.-Петербург [21]. Однако в связи с декабрьскими событиями фамилия графа все же упоминается. Дело в том, что во время разгона часть восставших бежала по Галерной улице, а некоторые, например, Д. Завалишин, Н. Бестужев и В. Кюхельбекер, укрылись в доме Остермана-Толстого, расположенном на Английской набережной, но имеющем вход и с Галерной.

"Остерман был очень огорчен участью, постигшею его племянников и меня, — вспоминал Завалишин. — Для старшего племянника, Александра Голицына, он испросил прощения, но для Валериана не смог того добиться" [22]. Так как в законном браке детей у Остермана-Толстого не было, он хотел видеть своим наследником князя Валериана Михайловича и сделать так, как некогда поступил Федор Остерман, передав титул и майорат незначительному молодому Александру Толстому. Но 21-летнего В. М. Голицына приговорили к ссылке в Сибирь и лишили княжеского титула, и планы Остермана-Толстого по отношению к племяннику рушились. Именно это, скорее всего, послужило причиной обиды Александра Ивановича на нового императора Николая I.

В 1826 году Остерман-Толстой уезжает за границу. В России он появлялся

лишь изредка и ненадолго. Насколько он боготворил Александра I, настолько он не терпел Николая I. "Память его, можно сказать, остановилась на исторической странице, которою замыкается царствование императора Александра Павловича, — свидетельствует П. А. Вяземский, — далее не шла она, как остановившиеся часы. Новейшие русские события не возбуждали внимания его. Он о них и не говорил и не расспрашивал" [23].

В 1828 году граф Александр Иванович ездил представиться императору Николаю Павловичу, чтобы предложить свои услуги на время Турецкой кампании; его предложение не было принято, и его отстранили от службы с разрешением ехать за границу. Александр Иванович снова уехал в Рим, потом поселился в Женеве и с тех пор уже не возвращался в Россию [24].

А. И. Остерман-Толстой осенью 1833 года предпринял путешествие на восток, начав его с Греции, где он остановился на несколько дней в Аргосе. Александр Иванович посетил Дамаск, и сохранилось предание, что он первый из христиан въехал в него верхом на лошади: до него христиане у городских ворот должны были слезать с лошади и идти пешком [25]. "Московский имам", "безрукий угодник божий" — он поражал восточных людей своими чудачествами. В это время он даже участвовал в войне египтян против турок за независимость и был ближайшим помощником полководца Ибрагима-паши [26]. Графу Д. П. Бутурлину, видевшему его во Флоренции в 1838 году, он показался человеком, наполненным странностями, близкими к умопомешательству [27].

В 1835 году праздновалась годовщина Кульмской битвы. В сентябре в городе Теплице, в Богемии, в присутствии австрийского императора Фердинанда, прусского короля Фредерика Уильяма III и российского императора закладывался мемориал русским воинам в память Кульмского сражения [28]. Николай I пожелал видеть на этом историческом событии Остермана-Толстого, на которого должны были "возложить" орден св. Андрея Первозванного. Но Александр Иванович под разными предлогами отказался от приглашения, что было по тем временам весьма странно и дерзко. Тем не менее император отправил ему в Женеву знаки ордена, сопроводив посылку следующим рескриптом: "Граф Александр Иванович! С

чувством глубокого благоговения к подвигам русского войска в незабвенную Отечественную войну, присутствовав сегодня при заложении памятника, сооружаемого его величеством императором Австрийским во исполнение воли покойного императора Франца I, русским войскам, действовавшим в сражении при Кульме, мы перенеслись воспоминаниями в день знаменитой Кульмской битвы, когда вы в минуту решительной для дела всей Европы, противостав с малыми силами многочисленному неприятелю, повели русских на решительный бой и кровию своею указали храбрым верный путь к победе. Под Кульмом вы стяжали неувядаемую славу предприимчивого вождя, вполне постигшего и дух, и сердце русского солдата. Помня всегда заслуги незабвенной войны, совершенной под предводительством в Бозе-почившего брата нашего и желая в сей торжественный день почтить в лице вашем всех храбрых воинов русской армии, которые подвигами непоколебимого мужества увенчали геройскую решимость вашу столь блистательным успехом, мы все милостивейше жалуем вас кавалером ордена св. Андрея Первозванного, знаки коего, при сем препровождая, пребываем к вам навсегда благосклонны. В городе Теплице, в Богемии, сентября 17 (29) дня 1835 года" [29].

Говорят, что пакет с наградой вплоть до кончины Остермана так и остался нераспечатанным [30].

В Женеве Остерман-Толстой несколько раз мельком встречался с А. И. Герценом [31], здесь провел последние годы жизни, здесь же и был похоронен.

Со смертью А. И. Остермана-Толстого вновь мог прерваться род Остерманов. Знаменитую фамилию должен был принять племянник графа — декабрист Валериан Михайлович Голицын, но он и его дети были восстановлены в правах только в 1856 году; спустя год умирает сам Остерман-Толстой, так и не успев реализовать задуманное. Только в 1863 году право наследования фамилии, титула и майората Остерманов "по высочайшему утверждению" получил сын В. М. Голицына — Мстислав, который стал именоваться "князь Голицын граф Остерман".

Подготовлено по материалам из научного архива муниципального учреждения культуры «Сапожковский краеведческий музей», предоставленным музееведом В.Б. Двораковским (г. Москва), музеем - усадьбой Ф.И.Тютчева в Муранове, ГАРО, а также, полученным на сайте [www. dwor.boom.ru](http://www.dwor.boom.ru).

Примечания

1. Формулярный список А. И. Остермана-Толстого. ГАРФ. Ф. 1463, оп. 2, д. 19.
2. Ушаков С. И. Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. — СПб., 1822. — Ч. 3. — С. 95.
3. Крайванова И. Я. Генерал А. И. Остерман-Толстой. — М., 1972. — С. 6.
4. История лейб-гвардии Павловского полка. 1790—1890. — СПб., 1890. — С. 144.
5. ГАРФ. Указ. Дело.
6. Крайванова. Указ. Соч. — С. 39.
7. ГАРФ. Указ. Дело.
8. Лажечников И. И. Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи "Материалы для биографии А. П. Ермолова //Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки — воспоминания. — М., 1989. — С. 464. (Впервые опублик. в "Русском вестнике". — 1864. — № 1).
9. Завалишин Д. И. Воспоминание о графе А. И. Остермане-Толстом // Исторический вестник. — СПб., 1880. — № 5. — С. 95.
10. Греч А. Н. Венки усадебам. Соловки, 1932. (Публ. по рукописи, хранящейся в ГИМе) // Памятники отечества. — 1994. — № 3—4. — С. 12.
11. Из стихотворения В. А. Жуковского 1812 года "Певец в стане русских воинов".
12. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. — Т. 8. Старая записная книжка. — СПб., 1883. — С. 299.
13. Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. — М., 1990.—С. 113.
14. Вяземский. Указ. Соч.

15. Завалишин. Указ. Соч. — С. 98.
16. Лажечников. Указ. Соч. — С. 461, 462, 468, 471.
17. Из письма Ф. И. Тютчева родителям, около 8/20 октября 1840 г. (РГАЛИ. Ф. 505, оп. 1, ед. хр. 72, л. 34—35 об.). См., например, Завалишин. Указ. Соч. — С. 98.
18. Лажечников. Указ. Соч. — С. 474.
19. Завалишин Д. И. Записки декабриста. — СПб., 1906. — С. 176.
20. Любимов С. В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. — Пг, 1915. — С. 100.
21. Завалишин. Записки... — С. 203.
22. Вяземский. Указ. Соч. — С. 303.
23. Степанов М. П. Село Ильинское. — М., 1900. — С. 176.
24. Там же. — С. 177.
25. Крайванова. Указ. Соч. — С. 58.
26. Русские портреты XVIII—XIX столетий. — Т. 1. — СПб., 1905. — № 182.
27. Теплиц — город на территории современной Чехии. Кульм, по-чешски Хлумец (СМитес), небольшой населенный пункт в 10 км к северо-востоку от Теплица. В западноевропейских публикациях это сражение чаще называется битвой при Прайстене, по названию чешского местечка Престанов (Přezápou, или в английском варианте — Priezlep), расположенного как раз на месте битвы. Именно в Престанове в 1837 году был открыт российский мемориал с часовней, существующий и поныне (автор — австрийский придворный архитектор Питер Нобил).
28. Степанов. Указ соч. — С. 177 — 178.
29. Вяземский. Указ. соч. — С. 303.
30. См.: Герцен А. И. Скуки ради // Собр. соч. — Т. 20. — С. 481.



Портрет графа Александра Ивановича Остермана-Толстого.

Ф.Вендрамини, с оригинала Ферриера, 1813 г.

Гравюра пунктиром, 13,1x14

Государственный Русский музей

Герой Отечественной войны 1812 года

генерал от инфантерии граф Александр Иванович Остерман-Толстой

Александр Иванович Толстой родился в 1770 (по некоторым данным в 1772) году в семье Ивана Матвеевича Толстого. По линии матери его прадедом был граф Андрей Иванович Остерман.

Александрю не было и четырех лет, когда его записали на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

Действительную армейскую службу он начал в 1788 году.

В феврале 1798 года Александр Иванович, приняв к тому времени графский титул и фамилию Остерманов, произведен в генерал-майоры и назначен шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка.

В сражениях Остерман-Толстой проявил себя вполне сложившимся военачальником, человеком большой храбрости, выдержки и находчивости.

К ордену Георгия IV степени, полученному Остерманом за взятие Измаила, прибавились еще три награды за кампанию 1806—1807 годов: Георгий III-й степени, Анна I-й степени и Прусский Черный Орел.

Как только началась Отечественная война 1812 года, Остерман-Толстой подал прошение о своем зачислении в армию. Он получил в командование 4-й пехотный корпус, входящий в состав 1-й Западной армии М. Б. Барклая-де-Толли. Первое серьезное сражение русские войска дали, защищая подходы к Витебску. Корпус Остермана в буквальном смысле слова стоял насмерть.

В день знаменитой Бородинской битвы корпус Остермана-Толстого стоял на самом ответственном участке между батареями

Раевского и Багратионовыми флешами, где решалась судьба сражения. Барклай-де-Толли в наградном списке высоко охарактеризовал боевые действия отважного генерала.

На военном совете в Филях Остерман-Толстой среди немногих генералов высказался за оставление Москвы без боя. Во время отхода русских войск корпус Остермана с успехом выполнял ответственную задачу охраны и прикрытия армии. Получив донесения о поражении Мюрата у Тарутина, Наполеон принял решение покинуть Москву.

Корпус Остермана входил в авангард генерала М. А. Милорадовича и был в первых рядах, преследующих противника. По свидетельству Кутузова, отряд Остермана-Толстого захватил в плен 2400 человек.

Конец Отечественной войны застал Остермана-Толстого в Вильно, куда главная армия во главе с Кутузовым вошла 10 декабря.

В 1813 году в бою у Кульма передовой отряд Остермана-Толстого противостоял 45-тысячному корпусу генерала Вандама, вдвое превосходившему силы русских войск. В этом опасном положении Александр Иванович решил действовать самостоятельно.

В разгар битвы Александр Иванович был тяжело ранен в руку.

Во время операции он приказал солдатам петь *русскую* песню.

Поражение французов под Кульмом свело на нет все успехи Наполеона 1813 года.

В 1822 году в Риме С. И. Гальберг выполнил в гипсе скульптуру, изображающую отважного генерала во время той самой операции, где он изображен лежащим, опираясь рукою на барабан, как и происходило это при операции; возле лежала оторванная рука, и в барабан были

вделаны часы, на которых стрелки означали время получения тяжелой раны, и была надпись латинская: Видит час, но не знает час.

Подвиг Остермана-Толстого при Кульме был отмечен орденом св. Георгия II-й степени. Кроме этого, в 1812—1813 годах Александр Иванович получил орден св. Александра Невского (за Бородино), алмазные знаки к этому ордену (за Бауцен), орден св. Владимира I-й степени, орден Прусского Красного Орла и Большой прусский Железный крест. Последняя награда за всю свою историю вручалась только семь раз.

В начале 1814 года Остерман-Толстой вернулся в Петербург. Почти сразу же он был назначен генерал-адъютантом Александра I, а в августе 1817 года получает чин генерала от инфантерии, но его здоровье было настолько подорвано, что он в этом же году освобождается от командования корпусом и увольняется в бессрочный отпуск.

В 1826 году Остерман-Толстой уезжает за границу, поселяется в Женеве и с тех пор уже не возвращается в Россию.

В 1835 году во время празднования годовщина Кульмской битвы. Остерман-Толстой был представлен к ордену св. Андрея Первозванного.

В Женеве Остерман-Толстой провел последние годы жизни, здесь же и был похоронен в 1857 г.

Недавно обнаруженные материалы женевских и московских архивов значительно дополнили сведения о швейцарском периоде жизни Остермана-Толстого, а также об эксгумации его тела. Упоминаний об этом нет ни у одного из российских историков, исследователей или биографов. Речь идет о неизвестном ранее

протоколе об эксгумации и о «повседневных записках» мэра Пети-Саконне Гийома Прево.

Выяснилось, что мэр Прево впервые услышал о предполагаемой «акции» из газет. В «Ревю де Женев» от 19 апреля 1857 г. он прочитал, что запрос об эксгумации тела графа исходит не от кого-нибудь, а от русского правительства. 30 мая Шарлю де Бюде выдается разрешение *«приступить к эксгумации гроба, содержащего тело г-на генерала графа Остермана-Толстого. Г-н де Бюде, имея все необходимые документы, произведет транспортировку указанного гроба в Россию, в Рязанскую губернию»*. В тот же день могила была вскрыта. По окончании процедуры Шарль де Бюде в присутствии мэра Пети-Саконне вручил учредителю Жану Огюсту Вайсс-Хаасу и бывшему камердинеру Остермана-Толстого Пьеру Мари Гавару мандат *«на сопровождение гроба до Варшавы и передачи оною его сиятельству князю Александру Голицыну (племяннику Остерману-Толстого) для дальнейшей транспортировки гроба в российский город Рязань»*.

Но почему именно в Рязань?

В Сапожковском районе Рязанской области районе есть два села, принадлежавших когда-то графскому роду Остерманов. Известно, что еще император Петр I пожаловал их Андрею Ивановичу Остерману. Село Красный Угол считалось майоратным: его наследовал только старший сын в роду. От Андрея Ивановича село перешло к Федору Андреевичу Остерману (1723 – 1804).

Однако владельцам больше нравилось село Красное. Оно располагалось на несколько верст ближе к уездному городу, рядом

протекала речка, да и по размерам и числу жителей всегда было крупнее Красного Угла. Потому, прежде всего в Красном Федор Остерман затевает строительство каменной церкви, которая была освящена в 1761 г. во имя Пресвятой Троицы. Первое захоронение в склепе при церкви появилось через двадцать лет, когда умерла Марфа Ивановна, мать Федора. В трапезной части храма освятили престол во имя святителя Андрея, архиепископа Критского, и преподобной Марфы — в память о родителях Федора Андреевича.

Видимо, именно в то время в склепе Троицкого храма решили устроить родовую усыпальницу. С тех пор село Красное становится заповедным имением Остерманов. Его ни при каких обстоятельствах нельзя было ни продать, ни заложить. Оно навсегда закреплялось за этим графским родом.

В 1804 г. здесь похоронили Федора Остермана, в 1811 — его брата, канцлера Ивана Остермана, а в 1902 — князя Мстислава Валериановича Голицына графа Остермана. Известно также, что Александр Иванович Остерман-Толстой захоронил в усыпальнице свою руку, ампутированную во время боя при Кульме. Писатель И.И. Лажечников, хорошо знавший Остермана-Толстого (он был его адъютантом, затем управляющим имением в Ильинском под Москвой), был свидетелем этого события: *«Когда я приехал с ним в 1818 году в его Сапожковское имение, село Красное, он куда-то пошел с священником и запретил мне сопровождать его. Впоследствии я узнал от того же священника, что он зарыл руку в фамильном склепе своих дядей, графов Остерманов, в ногах у*

гробниц их, как дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени».

Логично предположить, что Остерман-Толстой хотел и сам быть похороненным рядом с предками. И мы можем смело уточнить — путь траурного поезда с телом графа лежал через Варшаву, Рязань и Сапожок в село Красное.

Перевозка тела оставалась в поле зрения только дипломатов и родственников. Из последних Валериан Михайлович Голицын, сосланный по делу декабристов, за год до смерти графа был реабилитирован по указу нового императора Александра II. Племянник Остермана-Толстого стал заниматься наследством и вступил в переписку с зятем графа Шарлем де Бюде. В письме от 24 июля 1957 г., направленном из Москвы в Женеву, Голицын извиняется перед де Бюде: *«...Сегодня, по прибытии в этот город [речь идет о Москве] имел честь получить Ваше письмо от 12 июля, и спешу Вам объяснить причину задержки с ответом. Был постоянно занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки и оформлением наследства».* Интересно, что стоит за словами «занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки»? И откуда Валериан Михайлович приехал в Москву? Неужели из имения в Красном?

Только в одной книге, изданной в 1900 г., где-то в постраничном примечании в связи с захоронением руки Остермана-Толстого, мы можем прочесть, что после смерти Александра Ивановича его рука *«положена с ним в могилу в церкви того же села».*

Сегодня Троицкий храм в селе Красном жив и реставрируется. Усыпальница Остерманов тоже существует, хотя и была разорена

одновременно с церковью после революции 1917 г. Места захоронений нетрудно различить по очертаниям пяти кирпичных сводов, присыпанных землей. И мы теперь можем смело сказать, что в пятой, ранее безымянной могиле, покоятся останки героя Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии графа Александра Ивановича Остермана-Толстого!

Село Красное является интереснейшим объектом культуры, имеющим историческое и мемориальное значение. Такие места дороги нам — это хранилища нашей памяти, нашей истории. Потомки вправе чувствовать «любовь к отеческим гробам», вправе видеть ухоженной и обустроенной усыпальницу Остерманов, вправе иметь место, куда можно прийти, вспомнить и поклониться тем, кто создал на этой земле, строил храмы, защищал свою Родину или просто любил свой дом и это село.